

Андрей Белый

О СОФИИ-ПРЕМУДРОСТИ

Публикация и вступительная статья И. Вишневецкого

Передо мной стоит задача — дать адекватное прочтение одного малоизвестного текста Андрея Белого. Поэтому я избавлю читателя от солидных выписок по истории вопроса, а вопрос этот есть существо и сокровенное начало оригинальной русской философии: учение о св. Софии-Премудрости Божией как об интегральном образе познаваемого, о "высшем единстве, обладающем качествами всеобщего (трансцендентального) субъекта, универсального духа, и всеобщего объекта, матерного лона всякой твари" (С. Н. Булгаков); учение, идущее от начала христианства на Руси (некоторые исследователи говорят даже о "софиологическом" характере раннесредневекового древнерусского христианства); притом учение, данное в его весьма специфическом символистском жизненно-поэтическом преломлении, более того — в интерпретации, специфика которой усилена произошедшим в 1912-1913 годах обращением автора к антропософии. Речь идет об этюде Андрея Белого "О Софии-Премудрости". Мы имеем дело с текстом, написанным никак не ранее середины 1910-х годов, вполне возможно, что 1916-1918 (в рукописи дата отсутствует), и поэтому в характеристике "*антропософская софиология*" не следует забывать об определении *антропософская*.

В поздней статье, опубликованной в польской газете "Wiadomości Literackie" (1933, 29 октября), Андрей Белый говорил о естественно присущем ему *смутном переживании* "фактов близкого будущего, созревающих под покровом поверхностной злободневности; отсюда — налет символизма на [всем] моем творчестве; в нем образы подчас

забегают вперед, рисуя натуру не в "ставшем", а в становлении; отсюда вечный конфликт между натуралистической статикой и стремлением к динамизму, отделяющему правду от ходячих абстрактных формул, ходячих "сегодняшних" истин; но эмбрион завтрашнего дня в дне сегодняшнем переживался мной порой смутно, ибо видимость не давала еще созреваемых фактов действительности"*.

Для Белого — поэта, романиста, эстетика, философа и филолога, не говоря о множестве других его ипостасей — апокалиптическая вжитость в будущее, стремление сомкнуть начала и концы мышления-языка были не просто основной установкой его сознания, но и наиболее естественной его функцией. Мемуаристы свидетельствуют о жизненной слабости, "неприспособленности" Белого для настоящего (мучительная его биография в 1900-е—1910-е годы — серия личных катастроф — тому подтверждение) и столь же согласно отмечают блеск выявлявшейся в личной беседе мысли. Практически все, о чем говорил он, было в той или иной мере предсознанием недопроявленных смыслов, и идиоматика его поэтико-метафизического "косноязычия" (символической глоссолалии, если пользоваться метаописательным словарем Белого) служила именно этой цели.

Будь он опубликован сразу по написании, небольшой этюд о Софии-Премудрости едва ли мог быть оценен по достоинству современниками и едва бы добавил нечто новое к облику художника-апокалиптика и теоретика символизма, но сейчас, в контексте нашего более полного знания о предмете, в контексте свершившихся предвестий и чаяний начала XX столетия, этюд этот предстает как конспект представлений о характере и природе мысли одного из самых последовательных и мучительном поиске целостности и адекватности себе самому художников этого века.

Во-первых, Белый указывает *исток полноты и цельности сознания*. Он — *в мифе*, в младенческой слитности бытия и сознания, в исключенности основных категорий мышления. Однако это блаженно-детское состояние должно быть нарушено. Мысль, окрепнув, раздвигает пуповину "физиологической" связи с "матерним лоном" мифа, чтобы потом, на новом уровне понимания полноты, искать слияния с родной стихией. Описанное отношение так ли иначе перекликается с

*Цит. по: К. Н. Бугаева. Воспоминания о Белом, Berkley, 1981, стр. 327.

определением мифа, данным впоследствии А. Ф. Лосевым, чья мысль, еще более бесстрашная и уже безупречная логико-философски, питалась из того же, что и у Белого, культурного источника — из традиции русской религиозной философии, немецкого идеализма и разработанной в начале XX столетия теории символа (Белый здесь был в числе первых). "Миф, — согласно Лосеву, — есть бытие личностное или, точнее, образ бытия личностного, личностная форма, лик личности" или, еще точнее, "символически данная интеллигенция жизни". Однако — отдадим должное Белому — он был первым среди русских символистов, кто заговорил именно о бытии в мифе как о наиболее адекватном себе самому состоянию мысли*.

Во-вторых, Белый указывает на *неодномоментность* выявления "*бьющих жестов мысли*" (попутно отмечу, что восходящая к антропологическому учению о ритме и замещающая здесь чисто философский анализ штейнерианская лексика удачно уточняет, придает большую остроту описанию развертывающейся во времени драмы мысли). То есть искомое единство, метаисторическое по природе, может быть выявлено лишь в истории.

Не все точно в деталях предлагаемой Белым картины этого выявления, заключающегося для него, в первую очередь, в многообразии культурных форм. Более того, картина эта поражает частой несправедливостью и однобокостью оценок. Однако для Белого существеннее не *как*, а *что* выражено, и основная интуиция его верна: без явленного в истории многообразия *жестов* истины, без учета самых случайных, даже ошибочных движений этого выявления неуменальное содержание феномена истины осталось бы для нас за семью печатями.

В-третьих, Белый указывает на *единство культурной памяти* и на ее, памяти, отраженную по отношению к подлинной запамätной и сверхисторической полноте, не сводимой к "*pluralia* проявлений". *целостность*.

В-четвертых, Белый делает ясный и логически неопровержимый вывод. Если существовала целостность мысли, пребывавшей в "лоне" бытия-мифа, если она, покинув материнскую утробу мифа и перейдя в инобытие, в отрицание себя самой, дала многообразие выявляющих ее

*Теория мифа Вяч. Иванова, ядовито окрещенная Белым "ученым варварством", связана, скорее, с реконструкцией фантомов прасознания ("крови").

сокровенное существо исторических "жестов", если эти жесты — суть целое, притом указующее на куда бóльшую и уже органически нерасторжимую цельность, то вполне законно говорить о проявлении ритмов единого Существа, Незнакомки, глядящей из-под тысячей масок-форм", *о едином сознании*, о Душе Мира, Софии, о Мысли, возвращающейся в Живой Организм бытия во внерассудочном Слове, о Мысли, осознавшей свою внеметафизическую и целостно-органическую природу, которая, как нетрудно заключить, и есть миф (не музейная реконструкция, но миф как осознание жизни в виде единства бытия, в себе самом пребывающего).

Несмотря на конспективность этюда Андрея Белого, нельзя не восхититься целым вихрем заявленных в кратком наброске суждений, складывающихся в четыре положения, диалектически вытекающие одно из другого.

Текст очерка публикуется по авторской рукописи, хранящейся в ОР РГБ (ф. 25, к. 37, ед. хр. 5).

1

Мысль о сложении — подсознательна, физиологична, мифология — физиология крепнущей мысли; физиологическая гигиена греческой мысли — в мистерии; здесь, в мистерии — организация, ритмизация, рост крепнущих мыслей-мифов вплоть до стадии возведения их к философии Платона и к логике Аристотеля; впервые оторвана мысль от своего материального организма (мистерий и мифов). За Аристотелем и Платоном мысль Греции вянет до первого века, где она возрождается; из-под туманов эклектики в соединении с восточной культурой являет она нам контуры Филоновой философии; контуры предваряет туман; туман — *до*; туман — *после*; многообразие оперений, эклектика, "герметизм", "орфизм", "апокалипсисы" превращают строгие контуры мысли Платона в какие-то павлиньи хвосты; что в них ясно — посредственно; что огромно — туманно.

2

"Евангелие от Иоанна" соединяет крепнущую христианскую мысль с традицией эллинизма; в "Пастыре народов" Гермаса —

соединение Египта с Элладой и христианством; в теософической философии Филона перекрещены произведения эти, и — отверзают три точки, между которыми складывается треугольник культуры (иудейско-египетско-эллинской); треугольник предполагает и центр; но — центр отсутствует: соединяющей и разработанной философии, подобной Платоновой, не находим; перед нами проходят рои легендарных фигур (например, Аполлоний Тианский), отуманенных в гнозисе, в мифах, в преданиях и засыпанных обломками каких-то рухнувших храмов мысли (эклектика).

Оставаясь на почве мысли, невольно воскликнешь тут: "Где же не данное в истории построение мысли, определяющее многообразие бьющих ее жестов? В чем *единство* многообразий? И — как разобраться в них?" Будь *единство* системы — александрийский период второго века был бы периодом глубочайшего творчества мысли; без него — синкретичен он, пуст. *Пустота* сочетается с *глубиной*; *пустота* налицо, *глубина* — потаенна.

3

Третий век...

Справа и слева от некоего искомого центра — две линии мысли безвозвратно расходятся на протяжении четвертого и пятого века.

Представители одной линии суть Плотин, Аммоний Саккас,* Порфирий, Плутарх, Ямблих,** Прокл, Олимпиодор и другие; представители другой линии: отцы церкви, но у истока той линии стоят христианские богословы, очень близкие к мысли Эллады и ей очень кровные, как например: Ориген, Тертуллиан, Иероним, образующие *sui generis**** лестницу постепенного отдаления от *платоников* и перебарывающие в себе естественное к ней тяготение; платоники падают в магию; заострение в

*А. Белый нарушает хронологию, помещая учителя (Аммония) после ученика (Плотина).

**Так в тексте.

*** своего рода (*лат.*).

теологию и падение в магию отрезывает линии эти от их
 вяжущих центров первого и второго столетия; в Прокле, в
 Ямблихе упадает Плотин; в Августине орудием становится
 Аристотель: философский отбор теологии отчеканился догмой
 и стоит неподвижно от пятого до девятого века; шестой век
 поэтому характеризует уже не мыслитель, выразитель его есть
 поэт: Дамаскин. Это стояние мысли не может пройти без-
 наказанно: мысль, ссыхаясь, разламывает теологию христианства
 — на "восток" и на "запад". Под ударами бьющих Европу
 арабов в героическом воздухе 9-го века начинается ее ренессанс:
 эпоха схоластики перед нами.

4

Начинается трояко она: провозглашение папы орудием
 св. Духа антропологизирует (хотя и фальшиво) теократию мыс-
 ли; возрождение логики теологии Скоттом Эригеной закладывает
 фундаменты возрождения логики у всех будущих споров номина-
 лизма и реализма; всю философию (вплоть до новейшего време-
 ни) разрезает тот спор на две линии; чрез Абеляра, Оккама и
 далее; перекидывается к Декарту, и — импульсирует Ньютона;
 тянется чрез Локка, Юма и Канта и теории знания наших дней, а
 другая линия чрез Альберта Великого, Фому Аквината, Раймонда
 и прочих — вливается в мысль Джордано Бруно, живет в
 метафизике, поднимает голову в наши дни и возрождается даже
 в своей специфической форме уже после Канта-Росмини.

Третья линия этого времени — ордена, возрождающие
 теософический праксис и от этого невольно вводящие в свое
 лоно отвергнутый мистико-оккультный гнозис под многовид-
 нейшей формою.

Все три линии перекрещены в лоне церкви; центр скрещенья
 дан не в единстве системы, а в движущем пульсе, выгоняющем
 реальность романтического стиля, процветшего поздней готикой,
 в живописи неизвестных нам мастеров; катится он в XIV через
 Джотто и Данте; им построены: великолепие фигур, вроде
 Луллия (философа, трубадура, поэта, пророка и мученика),
 основателя серии университетов и системы наук, которого чуть

ли не возводят в святого, чтобы потом сжигать его книги; и заложено: возрождение лирики, литературы, романа, легенды; легенды легенд, нам являющий самый образ *единства* культурного периода времени в виде чаши Грааля и рыцарей вокруг чаши.

Перед нами стоит Персеваль: перекликается с нашим временем; наше время ему отвечает и мистерией Вагнера соглашается с ним.

5

В это время (с конца *XIII* столетия) европейская христиански окрашенная мысль, культура и творчество покидают свои полуживые каркасы; каркасы сжимаются, сохнут: в инквизиции, иезуитизме, в чудовищном *Style Jésuite** — обезображены, стерты, убиты: искусство, мысль, знания. Будь Джордано Бруно в *XII* веке, его бы не тронули; официальный *XVI* век его ведет на костер. От *XVI* до *XIX* столетия процесс распада *цельности мысли* уже протекает вне церкви; в английском механицизме, в энциклопедии французских мыслителей и в метафизике немцев расколото единство культуры; абстракции, технически утончая мысли их, их и множат, и сушат; в *XIX* веке процесс разложения закончен; технология логики умерщвляет нам систему наук; позитивизм подменяет единство системы беспросветной фикцией; метафизика получает смертельный удар в школе Канта; методология, логика и система наук — три *каркаса* остановившейся мысли: за ними за всеми их всех покрывающий купол: теологический догматизм; двадцать пять столетий мы строили мысль, и храм ее кончен.

Он — пуст?

6

Из-под форм каменеющей мысли бьют нам новые струи ее. Плюрализм истин мысли в методике полагает единство ее

*Иезуитский стиль (франц.).

вне pluralia* ее проявлений, но в pluralia, строящем ритм, в диалектической метаморфозе понятий, воспринятых жемами, в нарастающем вечнодвижимом смысле, в непрерывной текучести истин, в конкретизации истин: мысль, собственно, есть душа понятийных смыслов; в абстракции — тело их; в "Метаморфозе растений" у Гете, в "Теории света" его еще робкие следы жизни грядущего стиля мысли; а схема стиля — у Гегеля: еще она — неживая. В чаемом преклонении Гете с Гегелем — организм новой мысли, где понятия, образы и системы суть бьющие органы: ритмы единого Существа, Незнакомки, глядящей на нас из-под тысячей масок-форм.

Кто она?

Цельное Существо, Человечество поставлено Контом в центр его системы наук; не абстракция человечества, и не сумма людей, а их вяжущее единство: представление о подобном единстве возвращает нам по-новому Гнозис.

Наконец: убиение ложной метафизики заставляет новых философов возвести эту "логику" в sui generis *сущность*: и брать ее в Логосе, не абстрактном, рассудочном принципе, а в Живом Организме; "Человечество" Конта есть, в сущности, организм жизни Мысли, и справедливо поэтому Соловьев называет такой организм — Душой Мира, Софией.

Незнакомка, глядящая из-под тысячей форм, разгадана. Ее будущий лик к нам снисходит; она есть — *София*.

К ней обращается Соловьев:

"Знайте же! Вечная Женственность ныне
В теле нетленном на землю идет".

Это — новая Мысль. Жизнь и мысль в прежнем смысле — Единство с ней.

7

Единство Мысли — двойко: в грядущем и в прошлом. Механической градацией методов, форм, систем — стоит храм

*Здесь: множественность (лат.).

ее в прошлом: но мы — вне порога его; из него вышли мы: он — отвергнутый нами *каркас*; вне его — буря образов; вне его мгла фантастики хлещет в нас бурей; и идет в нас "востоками"...

Мимо старого храма мысли и мимо бури фантазии мы должны идти в будущее: этот старый храм и эта буря — колонны более огромного храма мысли, восстающего нам навстречу из будущего: в нем по-новому слияние всех течений: в нем по-новому видим мы восстание системы систем; методология логики в ней становится диалектикой; диалектика методов — эвритмией, эстетикой; эстетический принцип ритма — мимика Живого Лица, философии собственно, о которой сказал еще Данте:

— Сама любовь посылает ей* этот смех. Нет лжи в том, что вещают нам ее** очи...

Философия есть собственно *phile Sophia***: Милая София* она.

О ней сказал Соловьев:

"В свете немеркнушем новой богини
Небо слилось с пучиною вод..."

Небо прежних форм — одна колонна огромного ее храма, а пучина фантазии есть другая колонна; и за ними — слияние их: т. е. внутренность храма; она — *Слово*, составленное из многообразия букв, где знак, буква, эмблема, система есть один только жест переливчатой жестикуляции ее цельного образа, где мозаика тысячевидных систем начинает играть живой цельностью, где история философии лишь абстрактная *биография* Одной живой Жизни, рассказанная кое-как и предшествующая Появлению образа этой Жизни.

В Ней, лишь в Ней соединение образов нашей жизни с кристаллами наших мыслей; в Ней по-новому соединимся мы все: в Ней войдем мы впервые во внутренность внешнего ее обиталища, Храма Мысли, огромного и пустого — вчера, и

*Философии (прим. А. Белого).

**Курсив наш (прим. А. Белого).

***Любезная Премудрость (греч.).

живого — в грядущем. Ныне мы у преддверия: справа и слева колонны: восток (образ), и запад (абстракция); внутри — образ Мысли: востокозапад, София-Премудрость зажигает нам звездные светочи из-за мрака: в этом звездном венце приближается Она — к нам.

"Знайте же! Вечная Женственность ныне
В теле нетленном на землю идет".

"РУССКАЯ МЫСЛЬ"

Крупнейшая русская еженедельная газета на Западе.

Главный редактор Ирина Иловайская-Альберти.

Редакция и контора: 217 rue Fb. St. Нопге. 75008 Paris.

Стоимость подписки во французских франках:

	6 мес.	1 год
Франция:	250	400
Все страны мира (включая почтовые расходы):	400	600

Подписка на "Русскую мысль" в Москве

Начиная с июля мы принимаем подписку на газету с рассылкой ее по России и другим государствам СНГ.

Стоимость подписки: на 1 месяц — 60 рублей,
на 2 месяца — 120 рублей.

Перевод посылать по адресу:

125171 Москва, Ленинградское шоссе, 18, ком. 1607.

Товарищество "Промышленные брокеры", Александру Шустеру
с указанием на бланке перевода: "Русская мысль".

Газета будет доставляться по обратному адресу, указанному на переводе.

В Москве

свежий номер всегда можно купить
в букинистическом магазине No 155 —

Остоженка, 53 (у старого выхода из метро "Парк культуры")

Тел. 246-84-31.